

Фигнер Вера Николаевна

**В борьбе: "Запечатленный
труд"**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В31

В31 **Вера Николаевна Ф.**
В борьбе: "Запечатленный труд" / Фигнер Вера Николаевна – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 210 с.

ISBN 978-5-521-28141-1

ISBN 978-5-521-28141-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВЕРА ФИГНЕР

В Б О Р Ь Б Е

„Запечатленный труд“
в обработке для детей

ОГИЗ—МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

1 9 3 1

Д—7. М. Г. № 4508.

Октябрь 1931.

Ленинградский Областлит № 72642.

Тираж 5.000—18 л.

Заказ № 1018.

20-я типография ОГИЗ'а имени Евгении Соколовой. Ленинград, пр. Красных Командиров, 29.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В НАЧАЛЕ ЖИЗНИ

1. В ЛЕСУ

Я родилась 7 июля нового стиля 1852 года в Казанской губернии, в дворянской семье.

Мой отец занимал должность лесничего и был землевладельцем Тетюшского уезда.

Первые шесть лет жизни я провела не в городе, не в деревне, а в лесу, где стоял дом лесничего.

Помню — куда ни кинь взгляд — всюду деревья, и нигде человеческого жилья.

На север — ровная, убегающая невесть куда вдаль, темнеющая полоса чернолесья, скрывающая горизонт... На западе никогда не видать вечерней зари заходящего солнца... На восток — неправильные фестоны леса, то низбегающие, то восходящие по слабо-волнистой местности...

Только на юг выйдешь в открытое поле, чуть-чуть повышающееся к линии небосклона и зеленеющее лугами...

И нигде, насколько глаз видит и ухо слышит, никакого признака бытия человека: ни дыма из трубы, ни лая собаки или отдаленного звона с высоты деревенской колокольни.

... Был колокол. Колокол был у нас, на дворе дома лесничего, и звон колокольный был печален. Подвешенный на высоком столбе, этот колокол размеренным жалобным звоном, словно кого-то хоронил, стонал и звал своим стоном к дому того, кто отваживался войти в лес и... заблудился в лесу дремучем.

И в открытом месте, на всем поле зрения, все было мертво-пустынно, лежало без человека: не видно было труда его... земля растила траву; на лугах расцветали цветы, но никогда не желтела рожь, не белела гречиха.

— На сорок верст кругом живой души нет,—говорила старая няня Наталья Макарьевна, и говорила с тоской неудовлетворенной потребности в близости к людям, в соседстве и общении с ними.

Старая няня, быть может, и ошибалась насчет сорока верст, и сорок верст относились только к городу Мамадышу, в уезде которого отец заведывал большими лесными дачами.

Во всяком случае, за все годы я не помню, чтобы кто-нибудь сторонний забрел в нашу лесную глушь. Приезжали к отцу только «объездчики» «из леса» с докладами о порубках.

Их я запомнила: они привозили зайцев, которых няня «вялила» и «сушила» на подволоке, а потом угощала нас этим лесным лакомством...

Странная была эта жизнь — жизнь молодой семьи лесничего — одинокая и жуткая от близости леса и дальности людей в доме, заброшенном на окраину многоверстной казенной рощи.

«Дремучий лес» был тут, сейчас за конюшней. Не было огорода, не было сада.

Двор, обнесенный сплошным тесовым забором, похожий на деревянный ящик, и дом, крепко сбитый из толстых бревен — все говорило об одном: как бы отгородиться, как бы укрыться от опасного соседа с его «лихим» человеком и «диким» зверем.

— Одни-одинешеньки во всей округе! А в лесу — разбойники... В лесу — беглые... В лесу — медведи, — говорит няня, вторят крепостные девушки, Катерина и Дуняша, шепчет крепостная девочка, девятилетняя Параша, боится мать, — верю я...

Отец часто и подолгу отсутствует: объезжает казенную рощу. Когда он дома, никто не боится: у отца в кабинете есть ружье, все спокойны. Но когда отца нет — что делать?

В доме — одни женщины и дети. Страх от мала до велика охватывает всех.

Подавленный при дневном свете, этот страх из простой опасливости превращается в острую жуть, когда наступает темнота ранней ночи.

Мать — невообразимая трусиха и первая заводчица, заражающая своим настроением всех домашних. Прежде чем лечь в постель, часов в девять вечера, она берет оплывающую саленую свечу (няня сама «лила» их) и обходит темные, неосвещенные комнаты в сопровождении служанок; освещает все углы и закоулки в боязливом ожидании: вот-вот откроет тут или «под лестницей» спрятавшегося чужого человека; заглядывает под диван, под кровати — особенно под кровати, — где всего легче может притаиться страшный «разбойник» с большим «кухонным» ножом в руке...

Каждую минуту она готова шарахнуться и закричать «не своим голосом» от ужасной встречи. Катерину мать кладет спать поперек двери своей спальни, чтобы «разбойник» не мог войти, не разбудив спящей; Парашу, спавшую мертвым сном деревенской девочки, укладывали с той же целью на полу неподалеку от детской кроватки. Крепостной повар Прокофий как сильный и самый храбрый спал для общего успокоения непробудным сном на ларе, в самом опасном пункте — у входной двери, запертой на ключ, на крючок и задвижку.

«В лесу — разбойники...» «В лесу — беглые...» «В лесу — медведи...»

Да, медведи, и доказательство тому — большая бурая шкура с лапами у двуспальной кровати матери.

Я верю: ночью идет своя особая жизнь. Кошка, которую я тискала днем, может ночью отплатить мне. Может притти и, «вцепившись в горло», задушить своими когтистыми лапами. И кукла, которой я совсем ненарочно оторвала руку и разбила голову, оживет и явится, чтобы сделать мне то, что я ей сделала... А медвежья шкура? Очень просто: она тоже может ожить — зашевелится... встанет на лапы ... и... и...

— Скрипи... скрипи, липова нога, — говорит медведь в сказке.

— Идет, неидет — переваливаясь, — рассказывает мамочка.

Отрубил мужик медведю ногу и отнес жене. Приставил медведь себе ногу деревянную... И пошел медведь к бабе в деревню.

Скрипи, скрипи, липова нога!
По деревне все спят..
Одна баба не спит:
Мое мясо варит..
На моей шкуре сидит..
Мою шерстку прядет..
Приду... приду... съем!!

Мать делает зверскую физиономию, страшно разевает рот и быстро закрывает его, щелкнув зубами...

... Смотришь при свете лампадки на шкуру медведя... Смотришь пристально, долго... и кажется... что-то меняется, и она... начинает... пошевеливаться...

А в лесу!.. В лесу, конечно, медведи знают, что у нас в комнате медвежья шкура... Чуткие они — медведи-то. Чуют своего... чуют издалека. И тянет их, тянет к нам, к дому... Придут... придут съесть...

— Упаси, господи, в лес зайти! — стращала няня Макарьевна и глаз не спускала, чтобы мы за ограду двора не выбежали... — Упаси, господи! Лес страшный, дремучий, конца-края нет! Зайдешь — не выйдешь! Думаешь, по солнышку дорогу домой найдешь? Как бы не так — солнышка там и не

видать... Думаешь — домой повернул, к дому идешь, а — все от дому, все от дому уходишь!.. Возьмешь вправо — будто тут дорога-то... Нет! Возьмешь влево — все не так. Вот и кружишь, кружишь взад и вперед, туда, сюда, в сторону, пока сил лишишься. Ночь придет, эги не видать, а лес-то все гуще, гуще... деревья большущие, в три охвата... Валожник, трущоба невылазная: о пни спотыкаешься, кусты царапают — не продерешься; колют сучья, по лицу хлещут... В самую, что ни на есть, глушь зайдешь... А там, в глуши-то, поляна, и на поляне — разбойники... Шайка и атаман с ними... у костра лежат... грабленное делят.

... Или идешь, идешь... оторопь берет. Стал... прислушался... вдруг что-то хрустнуло — медведь выходит... Стал на задние лапы да тебя и сгреб...

.....
Только раз, помню:

Весь окутан листвою,
Изумрудной стеной
Великан-лес стоял...

Стоял без угроз, не пугающий... без «разбойников» и «беглых», без «медведя» и «заблудившегося», гибнувшего в его дебрях...

И это был последний день, когда я видела лес «дремучий», день, когда «прощалась» с ним.

Параша ведет меня за руку вдоль извилистой, облитой летним солнцем, веселой опушки леса; он у нас слева. Мы идем лугом; трава высокая, и цветы цветут. Высоко стоит солнце на небе, и, мне кажется, его бледную голубизну я вижу и теперь. Горячие лучи льются на деревья, на траву и пекут мое ничем не покрытое темя... Вот легкий спуск — и мы в лесной ложбине; точно в чайной блюдечке, перед нами круглый, плоский естественный водоем, и вода в нем неглубокая и прозрачная — на дне все мелкие камешки наперечет...

Стоим... Глядим... «Прощаемся»... Завтра мы едем: отца переводят в другой уезд.

2. Н Я Н Я

В 1858 году мы переехали в Тетюшский уезд, в имение дедушки — Христофоровку¹.

Большой дедушкин дом стоял в саду, где были яблони, груши, сливы, заросли вишни, а за садом шел парк с солнечными полянами, белыми березками, с неглубокими прудами и оврагами, на дне которых были роднички.

В густой чаще орешника, черемухи и клена рос папоротник, краснели волчьи ягоды, а на опушке было множество земляники.

В парке и в лесу можно было найти все: ягоды, грибы, орехи, рябину; для нас, детей, было полное раздолье.

Было столько интересного, а наша собственная детская компания из четырех более старших не давала чувствовать одиночества, и как в «лесу», так и в Христофоровке мы не имели сношений ни с соседними помещиками, которых вблизи и не было, ни с крестьян-

„Старый дом“, в котором В. Н. Фягнер провела детство.

ским населением деревни дворов в двадцать.

Няня — Наталья Макарьевна, как я ее помню, была уже стара. «Седьмой десяток идет», — отвечает, бывало, когда ее спросишь о годах. И этот седьмой десяток, кажется, был бесконечен, потому что, сколько и когда бы ее ни

¹ В Христофоровке мы прожили до 1863 года, когда переехали в соседнее село Никифорово, где была земля отца.

спросили, вплоть до самой смерти, все ей был седьмой десяток. Она была еще чрезвычайно бодрая, деятельная старушка и, не покладая рук, работала на господ: варила варенье, маринады, пастилу, брагу, заготавливала наливки и всевозможные запасы фруктов, ягод и грибов на зиму; плела на коклюшках прекрасное кружево и вязала тончайшие — все в узорах — чулочки, которыми не побрезговала бы любая красавица.

Как сейчас вижу ее небольшую, с чулком в руках, немного сгорбленную фигуру с маленькими светло-голубыми глазами и крупным носом, на котором восседают пребольшие и пребезобразные, древние, как и она сама, очки в медной оправе.

Надо сказать правду, няня не была красива, но сама-то она была другого мнения на этот счет, по крайней мере, относительно прошлого... Когда мы подросли, то иногда задавали ей довольно нескромный вопрос: «Няня! Почему ты не вышла замуж?..» Няня как-то загадочно смотрела вдаль и, помолчав с минуту, отвечала ничего не значащим: «Так!» А затем, внезапно оживляясь и как бы боясь, чтобы мы не приписали ее девичества ненадлежащей причине, прибавляла: «А красавицей была: глаза голубые... волосы черные, как смоль, кудрями вились по сю пору! — и она указывала на место, где под кофточкой должна была находиться ее талия. — А грудь — во какая!..» — и она оставляла руку на поларшина от своей высохшей груди. Этот последний наивный аргумент был столь убедителен, что мы приветствовали его дружным взрывом хохота, а няня, глянув на нас, бросала полусердитое «озорники» и углублялась в чулок. Но, как бы там ни было

Няня В. Н. Фигнер

в прошлом, мы, дети, не променяли бы ее ни на какую писаную красавицу.

Какое удовольствие бывало, усевшись к ней на колени, шлепать детскими ручонками по ее щеке или, охватив голову, осыпать поцелуями все это старческое лицо: низкий лоб, морщинистые щеки и маленькие выцветшие глаза!..

К тому же у няни был такой славный мелодичный голос! Она никогда не пела, по крайней мере, я не помню этого. Она только рассказывала — сказки рассказывала. Да и сказок-то она знала немного. Если сказать правду, то всего, кажется, одну-единственную: злая мачеха-царица превращает нелюбимого пасынка в козленка... отец, не зная этого, велит заколоть козленка для пиршества... но Аленушка, сестра царевича, спасает брата, разрушая чары мачехи, в самую решительную минуту, когда

Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные.

Ах, как хорошо рассказывала няня эту сказку! Удивительно хорошо! Никогда, бывало, не устанешь слушать ее. А еще няня любила поговорить о разбойниках, о кладах, которых видимо-невидимо кругом, под землей, и о беглых.

Беглые были крестьяне, бежавшие от жестокостей помещиков, и солдаты, которых помещики сдавали в армию, а служба тогда продолжалась двадцать пять лет. С солдатами обращались жестоко. За провинности прогоняли сквозь строй: виновный проходил между двух рядов сослуживцев, которые наносили ему удары палками... пока тот не падал замертво. От такой службы солдаты бежали в леса и укрывались, называя себя при поимке «не помнящими родства».

Но разве одни рассказы привлекали нас к няне? У нее всегда был лакомый кусок для нас — всякие сласти: заповедные баночки с груздочками, рыжиками и вареньем, всегда кипел самоварчик, и были мята и малина, чтобы напоить, если головка болит или глазки невеселые... Был, наконец, заветный желтый сундук. Там, в этом сундуке, который рас-